

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94 (571.513)

DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-41-45

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАКАССКИХ БАЕВ В XIX ВЕКЕ

Е. В. Самрина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан

Байство как социальная группа традиционного хакасского общества имеет древние корни. После увода значительной части родовой аристократии в лице енисейских кыргызов в начале XVIII в. в Джунгарию они занимают место новой родовой элиты. На протяжении второй половины XVIII и XIX вв. идет эволюция байских хозяйств от расширенного воспроизводства до скотопромышленности. Анализируются условия, способствовавшие развитию байских хозяйств. Раскрываются факторы, позволявшие приспособиться к экономическим, социальным реалиям Российской империи, новой рыночной экономике. Уделено внимание образовательному уровню байской семьи, являвшегося свидетельством модернизационных изменений богатых хозяйств.

Ключевые слова: хакасские баи, категории баев, родовая элита, предпринимательская деятельность, модернизация, грамотность.

Актуальность темы определяется тем, что оценки и характеристики баев как социального слоя хакасского традиционного общества решались исключительно в рамках классового подхода, через призму идеологических догм, что не позволило исследователям в полной мере раскрыть результаты их хозяйственной и предпринимательской деятельности.

Такому слою населения, как байство, до сегодняшнего дня уделяется достаточно мало внимания. Самые различные стороны его существования и функционирования остаются без изучения. Советская историография изучаемой темы в целом не обширна. Хозяйственной деятельности баев уделили внимание такие исследователи, как В. Г. Карцов, К. М. Патачаков, Г. А. Мохова, В. Я. Бутанаев. Исследователями собран богатый фактический материал о различных сторонах жизни этого слоя населения. Вместе с тем они уделяли значительное внимание опыту первоначально накопления, в частности, ростовщическому кредитованию, методам и способам эксплуатации соплеменников. Можно говорить о преобладании в их работах общих оценок развития капитализма и деятельности этой социальной группы. Очевидно, что для более глубокого понимания эволюции байства необходимы исследования более широкого характера с применением междисциплинарных исследований.

Значительное влияние на сословные отношения и социальную структуру хакасского общества XVIII в. оказал увод части хакасов в Джунгарию,

особенно ее родовой аристократии в лице енисейских кыргызов¹. Процессы массовых миграций привели к изменению динамики численности этой сословной группы, личного состава традиционной элиты. Массовый уход старой аристократии и вхождение в состав Русского государства способствовали процессу трансформации сословных отношений. Историческая традиция уходит в прошлое, ее заменил имущественный принцип разделения общества. К середине XVIII в. сформировалась новая родовая элита из представителей оставшихся родов-сеоков. В их руках концентрировались значительные капиталы, а также основная масса скота и земли. В то же время новая родовая элита в лице байства должна была приспособиться к новым политическим и социально-экономическим реалиям в составе Российской империи.

Байство не представляло собой новой социальной категории, связанной с товарно-денежными отношениями, оно существовало задолго до XIX в. В XVIII в., особенно в XIX в. появляются социально-экономические условия для широкого формирования социального слоя баев – богатых скотовладельцев. Общая численность байских хозяйств была достаточно значительной (около 15 %).

¹ В 1703 г. большая часть кыргызской знати со своими улусами были уведены поближе к ставке джунгарских ханов. Ушли в Джунгарию со своими улусами алтырский князь Тангут Батур Тайчи, езерский князь Шорло Мергень, алтысарские тайши Агалак Кашка, Голичи, сын Иренка Ишеева князь Корчун со своим улусом [1, с. 163]. В 1706 г. состоялось еще одно крупное переселение енисейских кыргызов во внутренние районы Джунгарии [2, с. 116].

Баи по социальному составу были потомками старой потомственной аристократии и выходцами из менее родовитой среды, новые баи. Потомственная аристократия баев не превышала 4 % [3, с. 117].

В связи с процессами административной интеграции коренного населения в состав Российской империи богатые скотоводы занимают должности низшего аппарата царской власти – князцов в XVIII в., родоначальников Степных дум в XIX в. Занимая высшее социальное положение в традиционном обществе, они обладали максимально возможными властными полномочиями. Тем не менее представители традиционной элиты, которые, казалось бы, напротив, должны были выступать в качестве консервативной силы, приспособивались к изменившимся внешним и внутренним условиям. Они стали крупными поставщиками скота, продукции скотоводства, пушнины, иногда и хлеба. Занимались торговой, торгово-ростовщической предпринимательской деятельностью (золотопромышленность, соледобыча), держали магазины, мельницы, кожевенные мастерские. Торговали в Монголии и Китае, везли караваны с мехами и золотом в Китай.

В 1840-е гг. Сибирь переживала золотую лихорадку. Открытие золотых месторождений, разработка приисков (преимущественно в Енисейской и частично в Томской губерниях) оживили экономику края и способствовали развитию торгового скотоводства и предпринимательской деятельности баев. Число действующих приисков в Минусинском и Ачинском округах постепенно возрастало и к 1860 г. достигло 127 [4, с. 268]. Золотые прииски требовали и потребляли в больших количествах массы самых разнообразных товаров, в том числе продукты животноводства и земледелия. Как писал Н. Н. Козьмин, они создавали большой и напряженный спрос на эти товары. Поэтому продукты питания стали находить себе свободный сбыт по хорошей цене, что не могло не повлечь за собой расширение сельскохозяйственного производства путем введения новых и новых земель в распашку, путем увеличения скотоводства [5, с. 166]. Развитию капиталистических отношений способствовало также проведение в конце XIX в. Сибирской железнодорожной магистрали, повлекшее за собой развитие экономической жизни губерний.

О древности байской сословной группы свидетельствует разработанность специальной лексики в хакасском языке, характеризующих их по социальному и имущественному признакам [3]. Прослеживаются три категории баев.

К потомкам древней родовой аристократии относились тэнгисы, владевшие наследственными имениями, богатство передавалось из поколения в

поколение. Они занимались табунным скотоводством. По свидетельству Г. И. Спасского, изучавшего быт хакасов в 1805–1807 гг., эти скотовладельцы имели огромные табуны и стада в 1 тыс. и более голов [6, с. 106]. Среди баев богатством выделялись Картины, принадлежавшие к элитарному сеоку кыргызов. Их тамга перекликается с некоторыми тамгами Сырского и Уйбатского чаатасов – могольниками родоплеменной знати древнехакасского государства. В середине XIX в. тэнгис Чирка Картин имел 12 тыс. лошадей, до 5 тыс. крупного рогатого скота, 12–15 тыс. овец, 30 десятин запашки в поле. Отец его был почти единственным поставщиком лошадей и скота на прииски и скопил до 30 тыс. рублей серебром. Все строения его усадьбы занимали пространство около одной десятины. Хозяйство Григория Картина (наследника Чирки) насчитывало более 7 500 голов, всего же в четырех картинских хозяйствах общее поголовье скота составляло 11 тыс. голов. В 1850–1860-х гг. более тысячи голов крупного рогатого скота и лошадей имели хозяйства К. Доможакова, три хозяйства Картиных [7, л. 9–12].

Богатыми скотовладельцами были баи пугдуры, они владели значительной частью самых продуктивных земель (зимними пастбищами, заимками, сенокосными угодьями). Крупные баи пугдуры владели такими огромными богатствами, что их иногда называли баями, у которых «гниет богатство» [3]. Например, бай Петр Марков имел несколько тысяч лошадей, 2 тыс. овец и много коров. По данным А. А. Ярилова, стоимость общего имущества П. Маркова на 1897 г. достигала 5 тыс. скота на сумму свыше 20 тыс. рублей [8].

Пугдуры активно втягивались в товарные и капиталистические отношения, были предприимчивыми людьми. Характерная черта деятельности большинства баев – многопрофильность (торговые предприятия, перепродажа скота, скупка пушнины, кожи, хлеба, шерсти, мастерских самого разного профиля, мельниц), что говорило о слабой специализации. Например, бай Карка Тинников торговлю скотом совмещал с хлебной торговлей, скупкой кож, пушнины, шерсти и т. д. Кроме того, держал мельницу, кожевню [8, л. 31]. Многопрофильность предпринимательской деятельности позволяла им получать прибыль, даже если в каком-то направлении этой деятельности случались и неудачи. В частности, скупка и перепродажа пушнины, скота и хлеба позволили ему получить более 1 тыс. рублей прибыли в год.

Предприимчивость баев проявлялась в торговле, она была одним из основных направлений коммерческой деятельности. В конце XIX – начале XX в. в крупных аалах открывались магазины. В аале Боражкуль держал магазин бай И. Конгаров,

в аале Кызлас В. Кызласов, А. Чудогашев в Усть-Еси и т. д.

У крупного бая Петра Маркова сын Григорий также занимался торговлей. У него были магазины (хлебный и промышленный), он держал паром через р. Енисей. Таким хозяйствам была характерна техническая модернизация. Они стали заботиться и об изменении качественного состава стада, породности животных. Эта племенная работа была продиктована интенсивным развитием в крае товарно-денежных отношений. Григорий Марков разводил арабских и английских скакунов. В 1830-х гг. в г. Минусинске декабристы братья Беляевы активно занимались сельским хозяйством. В частности, улучшали породу местных овец. Директором минусинского стада мериносовых и улучшенных овец был Доможаков [8, л. 9].

Наиболее выгодным и прибыльным делом являлось выращивание скота на продажу. Но основное богатство баев основывалось на скупке и перепродаже скота, это было самой доходной статьёй крупных хозяйств. Баи гоняли скот на продажу в 1770-х гг. на Колыванские рудники, в Тобольск, Барабу. Как пишет П. С. Паллас, «скот был очень тучным» и имел превосходные качественные, вкусовые характеристики» [9]. Гурты скота гоняли для продажи в Красноярск, Томск, Иркутск. Большие партии скота покупались иркутскими купцами для приисков. Баи делают свое скотоводство товарным, продавая и по 800 голов крупного рогатого скота, 550 лошадей и до 1 500 овец, как бай П. Чарков или П. Доможаков, продававший до 600 быков [3, с. 87].

При перепродаже скота прибыль составляла 15–20 %, поэтому растет число баев скототорговцев. В 1890 г. было 14 скототорговцев, а в 1909–1910 гг. скупкой и перепродажей скота занималось 69 дворов, или 1,2 % всех хозяйств [5, с. 34.] Например, Герасим Спиринов каждый год продавал золотопромышленникам скот на большие суммы. У него, как и у самого богатого бая Чирки Картина, было до 5 тыс. лошадей [10, с. 42].

Из массы рядовых хакасов стали выделяться предприимчивые люди, разбогатевшие на торговле. В новый зарождающийся социальный слой вошли представители рядовых социальных слоев общества, мелкие баи – кистемы. Путем рационального ведения своего хозяйства, настойчивости и расчетливости, за счет перепродажи скота, продажи товаров в кредит, путем ростовщических и других операций они сумели превратить свои хозяйства в доходную отрасль. Также кистемами считались обедневшие баи. В среднем кистемы имели 100–200 голов крупного скота. Одновременно с накоплением капитала существовала вероятность распада хозяйств кистемов в среднеобеспеченные

или маломощные в силу ряда причин, например в результате гибели скота во время чумных годов (1870–1880-е гг.) и свирепствования сибирской язвы, бескормицы (продажи части скота в счет уплаты налога) и т. д.

Следует отметить гибкость хозяйства коренного населения, а также подверженность их трансформациям. Товарно-денежные отношения медленно переориентировали скотоводство. Все большее место стало занимать разведение крупного рогатого скота, выращиваемого специально на продажу. Скотоводство было направлено в первую очередь на удовлетворение потребностей внутреннего и особенно внешнего рынка. Например, в 1890 г. в Абаканской управе было продано скота на 154 тыс. рублей, в 1897 – 210 тыс. рублей, в 1909–1910 гг. – около 530 тыс. рублей [3, с. 87]. В начале XX в. выручка от продажи крупного рогатого скота составляла 641 тыс. рублей (25 тыс. голов), а вся продукция животноводства, включая поголовье лошадей (5 тыс. голов) и овец (25 тыс. голов) принесла выручку более 2 млн рублей [3, с. 87]. По свидетельству Н. А. Кострова, хакасский скот славился своими превосходными характеристиками. «Кроме Красноярска и Енисейска... татары отправляли его до 7 тысяч голов в г. Иркутск» [11, 12].

Как уже отмечалось, байство отличалось крайней неустойчивостью своего экономического положения. По данным Карцева, некоторые известные еще в 1830-х годах скотовладельцы в 1840-х гг. сходят на нет и теряются в общей массе рядового населения: такая судьба постигла, например, Качалоровых (Марыткаевых) – байскую семью, наследственно возглавлявшую койбалов, по крайней мере, с 80-х гг. XVIII в. до 1837 г. По соединенным племенам в 1837 г. числилось 70 табуновладельцев, к 1851 г. около половины из них разорилось, и их число сократилось до 38; в 1858 г. зажиточных хозяйств по соединенным племенам значителен только 30, причем у всех табуновладельцев, кроме одного, поголовье принадлежавших им лошадей в большей или меньшей степени сократилось [13, с. 153].

Степень вовлеченности в предпринимательскую деятельность трех групп байских хозяйств была разной. Крупные наследственные хозяйства тенгизов были слабее втянуты в товарные отношения. Такие хозяйства отдавали предпочтение традиционным способам хозяйствования, табунному коневодству и перепродаже скота. В их руках концентрировались значительные капиталы, а также основная масса скота и земли. Тенгиз Н. Картин был купцом 3-й гильдии с объявленным капиталом до 100 тыс. рублей ассигнациями. При нем работал штат приказчиков [3, с. 87].

Владельцы хозяйств пугдуров и кистем активнее обладали навыками предпринимательства,

их спектр коммерческой деятельности носил более широкий предпринимательский характер. В 1870-х гг. было организовано два ссудно-сберегательных товарищества – Аскизское в одноименной степной думе и в селе Усть-Абаканском при Абаканской управе. Это было кооперативное учреждение мелкого кредита, составная часть банковской системы. Организаторами и одновременно членами Аскизского ссудно-сберегательного товарищества выступили 20 баев (А. М. Кызласов, Ф. И. Чебодаев, Н. А. Майнагашев и др.). Члены товарищества внесли паевой капитал, который составил основу деятельности этого учреждения. Основной операцией товарищества была выдача ссуд. Ссуды выдавались только членам ссудо-сберегательного товарищества либо по личному доверию, либо по поручительству, либо под залог [14, л. 1–14].

Эволюция байских хозяйств от простого расширенного занятия скотоводством до предпринимательской деятельности косвенно была связана с растущим образовательным уровнем байского сословия. Элементарная грамотность не была каким-то исключительным явлением среди баев. Отчасти административный аппарат степных дум (письмоводители, князцы, старшины и заседатели), родоначальники были грамотными. Минусинский окружной начальник А. К. Кузьмин отмечал, что в первой трети XIX в. насчитывалось до полусотни грамотных хакасов. В среде традиционной элиты в XIX в. образование становится престижным. Байские отпрыски могли научиться читать и писать как дома, с помощью домашних учителей, так и в частных школах. В связи с отсутствием школ народного образования почти все дети обучались на

частной платной основе. Например, сын Ф. Арыштаева учился грамоте у одного поселенца, Н. Спирин, В. Арыштаев получили образование дома [9, л. 10, 21–24]. Более глубокие знания получали в школе ссыльных декабристов братьев Беляевых в г. Минусинске. В частности, здесь обучался сын бая Чирки Картина. Грамотными были и не столь богатые баи, как Картины [9, л. 10, 21–24]. Хакасское байство можно рассматривать как один из источников формирования национальной интеллигенции. Всемирно известный тюрколог Н. Ф. Катанов, этнограф и общественный деятель С. Д. Майнагашев также были выходцами из обеспеченных семей. Показателем гражданской позиции стала благотворительная деятельность и меценатство. Например, по инициативе и на средства баев Чарковых была организована школа в конце 1880-х гг. в улусе Чарков на Уйбате [8, л. 10, 21–24].

В изменившихся условиях XVIII–XIX вв. новая родовая элита сталкивается с проблемой приспособления к новым политическим, социально-экономическим реалиям. Реакции и ответы на вызовы модернизации, найденные традиционной элитой, позволяют иначе взглянуть на нее. Заслуживает внимания способность культурной традиции родовой элиты к видоизменению, адаптации к требованиям современности, модернизации. Внешние и внутренние факторы, рациональное ведение хозяйства и деловая смекалка способствовали рациональному обновлению и осовремениванию байских хозяйств. Хакасские баи постепенно превратились из скотовладельцев в крупных баев-скотопромышленников, предпринимателей и купцов. При этом они стремились сохранить важные элементы национальной культуры.

Список литературы

1. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XVIII вв.). Абакан, 1952. 217 с.
2. Боронин О. В. Двоеданичество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. Барнаул, 2002. 220 с.
3. Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX вв.). Абакан, 1987. 175 с.
4. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / под ред. Л. Р. Кызласова. М., 1993. 523 с.
5. Козьмин Н. Н. Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края. Красноярск, 1918. 48 с.
6. Спасский Г. И. Народы, кочующие вверх реки Енисея // Сибирский вестник. Ч. 5. СПб., 1819. 10 с.
7. Государственный архив Республики Хакасии. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18.
8. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Рукописный фонд. Архив А. А. Ярилова. Д. 498.
9. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. III, первая половина. 1772 и 1773 годов. Перевел Василий Зуев. СПб., 1788. 481 с.
10. Щукин Н. С. Минусинский округ // Журнал Министерства внутренних дел. 1856. Ч. 18, кн. 5–6. С. 225–284.
11. Костров Н. Качинские татары. Казань, 1852. 66 с.
12. Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 мая по 18 августа 1877 г. Т. 1. Казань, 1884. С. 208–248.
13. Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII – первая половина XIX в. Абакан, 1970. 198 с.
14. Государственный архив Республики Хакасии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1190.

Самрина Елена Васильевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора истории, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ул. Щегинкина, 23, Абакан, Россия, 655017).
E-mail: esamrina@mail.ru

Материал поступил в редакцию 31.05.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-41-45

ECONOMIC AND BUSINESS ACTIVITY OF KHAKASSIAN RICH FARMS IN THE XIX CENTURY

E. V. Samrina

Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation

A rich owner of cattle as a social group of the traditional khakass society has ancient history. The antiquity of this class group is evidenced by a special lexicon in the Khakass language, which characterizes them according to social and property characteristics. They were not a new social category associated with commodity-money relations, they existed long before the XIX century. They become new tribal elite, after a significant part of the tribal aristocracy in the early XVIII century went to Dzungaria. In connection with the processes of administrative integration of the khakass people into the Russian Empire, rich owners of cattle occupy the posts of the lower apparatus of state power. They had great power over their people. In the XVIII century, especially in the XIX, there are socio-economic conditions for the broad formation of the social stratum of wealthy cattle owners. During the second half of the eighteenth and nineteenth centuries, the economy of the wealthy owner of cattle was evolving. The conditions that contributed to the development of the economy rich owner of cattle are analyzed. Factors that have made it possible to adapt to the economic and social realities of the Russian Empire and the new market economy are revealed. Attention is paid to the educational level, which was evidence of the modernization changes in the rich economy.

Key words: *rich khakass owner of cattle, categories of rich owners of cattle, tribal elite, business activity, modernization, literacy.*

References

1. Potapov L. P. *Kratkiye ocherki istorii i etnografii khakasov (XVII–XVIII vv.)* [Brief essays on the history and ethnography of khakass peoples in XVII–XVIII century]. Abakan, 1952. 217 p. (in Russian).
2. Boronin O. V. *Dvoedannichestvo v Sibiri. XVII – 60-ye gg. XIX vv.* [Payment of tribute to two states in Siberia. XVII – 60th years. XIX centuries]. Barnaul, 2002. 220 p. (in Russian).
3. Butanaev V. Ya. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya khakasskogo aala (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Socio-economic history of the Khakass village (late 19th – early 20th centuries)]. Abakan, 1987. 175 p. (in Russian).
4. *Istoriya Khakasii s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [The history of Khakassia from ancient times to 1917 year]. Ed. by L. R. Kyzlasov. Moscow, 1993. 523 p. (in Russian).
5. Koz'min N. N. *Materialy dlya opredeleniya zemel'nykh norm skotovodcheskogo naseleniya Minusinskogo kraja* [Materials for determination of land norms ranching population of Minusinsk region]. Krasnoyarsk, 1918. 48 p. (in Russian).
6. Spasskiy G. I. *Narody, kochuyushchiye v verkhu reki Eniseya* [Peoples nomadize at the top of the Yenisei River]. *Sibirskiy vestnik*. Ch. 5. St. Petersburg, 1819. 10 p. (in Russian).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Khakasii* [State archive of Khakas region]. F. 5. Op. 1. D. 18 (in Russian).
8. *Rukopisnyy fond KhakNIYALI. Arkhiv A. A. Yarilova* [Archive of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History]. D. 498 (in Russian).
9. Pallas P. S. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii* [Travel to different provinces of the Russian Empire]. Ch. III, pervaya polovina. 1772 i 1773 godov. Perevel Vasiliy Zuev [Part III, first half of 1772 and 1773. Translated by Vasily Zuev]. Saint Petersburg., 1788. 481 p. (in Russian).
10. Shchukin N. S. *Minusinskiy okrug* [Minusinsk region]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del – Journal of the Ministry of Internal Affairs*, 1856, part 18, b. 5–6, pp. 225–284 (in Russian).
11. Kostrov N. *Kachinskiye tatary* [Kachin Tatars]. Kazan', 1852. 66 p. (in Russian).
12. Kostrov N. A. *Ocherki byta minusinskikh tatar* [Essays on the way of life of the Minusinsk Tatars]. *Trudy IV arheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 maya po 18 avgusta 1877 g.* T. I. [Proceedings of the IV archaeological congress in Russia, held in Kazan from May 31 to August 18, 1877. Vol. 1]. Kazan', 1884. P. 208–248 (in Russian).
13. Kartsov V. G. *Khakasiya v period razlozheniya feodalizma. XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Khakassia during the decay of feudalism. XVIII – first half of the XIX century]. Abakan, 1970. 198 p. (in Russian).
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Khakasii* [State archive of Khakas region]. F. 2. Op. 1. D. 1190 (in Russian).

Samrina E. V., Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History (ul. Shchetinkina, 23, Abakan, Russian Federation, 655017). E-mail: esamrina@mail.ru